

Лезин Борис Андреевич

**Очерки из жизни и литературной
деятельности В.Ф. Одоевского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Андреевич Л.**
Очерки из жизни и литературной деятельности В.Ф. Одоевского / Лезин Борис Андреевич –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 155 с.

ISBN 978-5-519-92909-7

ISBN 978-5-519-92909-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

біографія, гдѣ мѣткимъ, отчеканеннымъ языкомъ сообщаются новыя интересныя для насъ факты изъ его жизни, а потому мы и осмѣливаемся привести се всю адѣсь цѣлкомъ. „Я родился,—пишетъ князь,—въ 1803 году съ 31 іюля на 1 августа. Отецъ мой былъ князь Федоръ Сергѣевичъ, директоръ Московскаго банка и въ чинѣ статскаго совѣтника, что тогда значило много. Онъ умеръ, когда мнѣ не было 5 лѣтъ, слѣдственно о немъ у меня не осталось никакого воспоминанія, кромѣ того, что я ѣздилъ съ нимъ въ наше подмосковное имѣніе по Троицкой дорогѣ, и онъ бралъ меня на минуту на лошадь. Онъ умеръ послѣ операціи каменной болѣзни, произведенной неудачно. На это время, вѣрно, чтобы я не испугался криковъ, меня перевезли къ Аграфенѣ Петровнѣ, приятельницѣ матери, которая меня обожала. Вообще мои воспоминанія дѣтства восходятъ очень далеко. Я помню, какъ меня сажали въ бульонныя ванны. Оттого, что я былъ недоносокъ (родился 8 мѣсяцевъ) и оттого, что меня сажали въ бульонныя ванны, я былъ, кажется, впечатлительнѣе другихъ дѣтей; но причинѣ ваннъ у меня сохранилась чрезвычайно тонкая кожа, которой я обязанъ частыми ревматизмами и всегдашнимъ ощущеніемъ холода и вообще слабости и мускуловъ при вообще здоровомъ состояніи организма. Въ 18—20 лѣтъ доктора пророчили мнѣ чахотку, но вотъ уже мнѣ минуло 47 лѣтъ, и я перенесъ воспаление въ грудной плечѣ... Имѣю способности долго работать. *Умственный элементъ мой очень силенъ и всегда покоряетъ плоть.* Что значить умираю,—спать хочу, я никогда не понималъ. Когда я углублялся въ дѣло, сонъ для меня не существовалъ, но иногда возбуждался нестерпимый голодъ. Вслѣдствіи, работалъ съ Бладовымъ по ночамъ, я приучилъ себя спать, когда захочется, днемъ, особенно передъ обѣдомъ и могу заснуть крѣпко на $\frac{1}{2}$ часа, $\frac{1}{4}$ ч. и 5 мин. Эта способность для меня была весьма важна въ чернорабочей жизни, которую до сихъ поръ веду. Нужно мнѣ только сна 8 часовъ въ сутки. Корректуру X тома Сюда Законовъ приписали мнѣ черезъ 2 часа днемъ и ночью въ продолженіе 40 дней и ночей“. На этомъ заканчивается автобіографія; дальше, повидимому, должны слѣдовать сообщенія изъ ученической жизни, служебной. Сохранились, правда, еще замѣтки автобіографическаго характера, какъ бы дополняющія вышеприведенныя свѣдѣнія; къ нимъ будемъ обращаться по мѣрѣ необходимости, а пока постараемся въ хронологическомъ порядкѣ разсмотрѣть біографію Одоевскаго.

Князь Владиміръ Федоровичъ Одоевскій — послѣдній представитель древнѣйшаго княжескаго рода Рюриковичей. Въ числѣ славныхъ его предковъ можно назвать князя Михаила Всеволодовича, замученнаго Батыемъ 20 сентябрю 1264 года. Вообще князья Одоевскіе постоянно выказывали себя ревностными исполнителями долга; нѣкото-

рые изъ нихъ отличались талантливостью въ разныхъ сферахъ: въ военной, административной и т. п. Напр., „Иванъ Никитичъ Одоевскій Меньшой разбилъ и взялъ въ плѣнъ Заруцкаго,“ ¹⁾). Воспоминанія о немъ живы еще и до сихъ поръ въ народныхъ разбойничьихъ пѣсняхъ:

„Собирался князь Никита Ѳеодоровичъ,
Онъ въ путь, по дороженьку, въ Астрахань городъ“,

говорить разбойничья пѣснь. Князья Одоевскіе въ смутное время были военными въ Новгородѣ и Вологдѣ; нѣкоторые изъ нихъ заслужили расположеніе царей (напр. Никита Ивановичъ Одоевскій). Извѣстенъ еще декабристъ—поэтъ А. И. Одоевскій. Послѣдній представитель этого княжескаго рода—князь В. Ѳ. Одоевскій больше всѣхъ прославилъ его, знатностью котораго онъ воспользовался и исключительно на пользу ближнимъ. Князь В. Ѳ. Одоевскій получилъ блестящее по тому времени образованіе въ Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ, приобрѣтивъ у дворянъ своего времени большую славу,—какъ разсадникъ прекраснаго воспитанія и образованія,—чѣмъ даже Университетъ. Основанный въ 1779 году, Университетскій Благородный Пансіонъ получилъ свою завидную извѣстность, главнымъ образомъ, благодаря стараніямъ Прокоповича-Антонскаго, выдающагося чловека и весьма образованнаго, опытнаго педагога. Онъ сумѣлъ привлечь къ преподаванію въ Пансіонѣ всѣ лучшія педагогическія силы своего времени; всякій появляющійся новый педагогическій талантъ получалъ отъ него поощренія къ дальнѣйшему развитію. Благодаря стараніямъ Антонскаго, молодые кандидаты и магистры съ научно-философскимъ образованіемъ дѣлались воспитателями Пансіона, а лучшіе преподаватели Университета преподавали въ немъ. Въ числѣ ихъ можно назвать слѣдующихъ выдающихся ученыхъ: Мерзляковъ (словесность), Давыдовъ (философія), Шлегель (всеобщая исторія), Павловъ (физика). Общество Любителей Россійской Словесности, благодаря тому же Прокоповичу-Антонскому, имѣло свои публичныя засѣданія въ залѣ Благороднаго Пансіона, на которыхъ могли присутствовать и воспитанники. Это, конечно, не могло не имѣть самымъ благотворнымъ образомъ на послѣднихъ. Подобныя засѣданія познакомили воспитанниковъ съ лучшими представителями тогдашней литературы; увлекательное слово оратора, какъ доброе сѣмя, падало на плодотворную почву,—юношескія, отзывчивыя сердца,—и побуждало ихъ такимъ образомъ къ литературной дѣятельности. Устраивались и собранія нитомцевъ, которыя, по словамъ одного участника, служили разсадникомъ для

¹⁾ Сумцовъ. Князь В. Ѳ. Одоевскій, 3 стр.

юношескихъ литературныхъ дарованій, и по времени даже были зародышемъ Общества Любителей Россійской Словесности. „Иногда лучшія проповѣднія питомцевъ пансіонскаго собранія, говоритъ С. Шевыревъ, читались и въ высшемъ литературномъ обществѣ. Это были вѣнецъ дарованію и искусству“. Среди питомцевъ Пансіона стали образовываться кружки, цѣль которыхъ была—самообразование; на засѣданіяхъ кружковъ читались рефераты, обсуждали ихъ съ помощью предѣдателя, которымъ всегда назначался опытный, образованный педагогъ. Вліяніе такихъ кружковъ было огромно: оно отразилось на развитіи слога, на выработкѣ строго логическихъ сужденій, на интересѣ къ чтенію и научно-философскому образованію, на томъ оживленіи, которое царило между воспитанниками среди монотонной, затворнической жизни, на развитіи той смѣлости, которая необходима для всякаго, живущаго въ обществѣ. Вліянію кружковъ С. Шевыревъ приписываетъ то обстоятельство, что бывшіе питомцы Пансіона, находясь на государственной службѣ, „умѣли постичь, развить и выразить мысль“. Воспитанники съ большою охотою готовили рефераты на собранія кружковъ; несмотря на то, что преподавалось въ старшихъ классахъ 14 предметовъ, требовавшихъ строгаго изученія ихъ, каждую недѣлю ученики готовили очередной докладъ, состоящій или изъ стиховъ, или изъ перевода, или изъ сочиненія. Насколько ученики считали необходимымъ для себя саморазвитіе, видно изъ той страсти къ чтенію, которой предавалось болышинство. Воспитанники читали за чаемъ, за обѣдомъ, за ужиномъ; даже въ обязанность имѣялось принести книжку за столъ. „Чтеніе, говоритъ С. Шевыревъ, водворяло тишину, спокойствіе“. Постоянно можно было видѣть воспитанниковъ, бесѣдовавшихъ между собою большею частью о „высокихъ матеріяхъ“, учась, таимъ образомъ, другъ у друга; они воспитывали волю, всегда готовую на честное дѣло и трудъ. И во всемъ не только принималъ участіе, но даже былъ инициаторомъ этихъ всѣхъ благихъ намѣреній—Прокоповичъ-Антонскій. Его трудъ, знаменитый въ свое время, „О воспитаніи“ весь проникнутъ указаніемъ на важность воспитанія, къ которому онъ предъявлялъ очень высокія требованія. Питомцы Пансіона воспитывались на этихъ началахъ, усваивали ихъ, проникались ими, а потому намъ будетъ интересно рассмотреть основныя педагогическія принципы Антонскаго хоть въ самомъ сжатомъ видѣ, такъ какъ эти принципы легли не только въ основаніе педагогическихъ взглядовъ Одоевского,—о которыхъ рѣчь у насъ будетъ впереди,—но положили отпечатокъ на образованіе чувства, ума, воли его,—словомъ,—личности въ полномъ смыслѣ этого слова.

„Никто не рождается въ свѣтъ ни счастливымъ, ни добродѣтельнымъ, ни просвѣщеннымъ. Природа, производя человека, кажется, даетъ ему

только жизнь и силу дѣйствія, а образовывать предоставляет времени и опытамъ. Большие и малые успѣхи ума въ человѣкѣ зависятъ отъ различныхъ случаевъ жизни, болѣе или менѣе благопріятствовавшихъ ему. Необыкновенія и общія, худыя и добрыя свойства его зависятъ отъ первыхъ производимыхъ на него впечатлѣній, отъ первыхъ внушаемыхъ ему чувствованій и понятій—отъ воспитанія.... Судьба цѣлыхъ народовъ наиболѣе зависитъ отъ воспитанія молодыхъ людей. Дѣти должны нѣкогда составлять общества и быть его членами. Они утверждаютъ благосостояніе, если съ юности напосы добродѣтелью и любовью къ отечеству; разуряютъ порядокъ и тишину, если отравлены развратомъ. И если всегда доброе воспитаніе необходимо, то особливо въ нынѣшнее время, когда роскошь повсюду влечетъ за собою распутство и болѣзни, а жадность и корысти потупляютъ гласъ совѣсти. „Поэтому“ возврати силу и важность воспитанію; сдѣлай его какъ бы священнымъ нѣкимъ предметомъ, и тогда не нужно будетъ ни столько прачей, ни столько блюстителей законовъ“. Затѣмъ Антонскій раздѣляетъ воспитаніе на физическое и моральное и каждое разсматриваетъ отдѣльно. Вообще „воспитаніе дѣлаетъ тѣло крѣпкимъ и стройнымъ, умъ—просвѣщеннымъ и основательнымъ, а сердце вооружаетъ противъ язвы пороковъ“. Какъ жизнь человѣка, такъ и его совершенство зависятъ всецѣло отъ воспитанія. Что касается физическаго воспитанія, то оно необходимо, какъ для слабыхъ, такъ и сильныхъ, но пренебрегающихъ своимъ здоровьемъ. Въ чемъ должно заключаться физическое воспитаніе? Здоровье и красота, отвѣчаетъ Антонскій, приобретаются не цѣлой и праздною, не пышною и роскошною, не излишествомъ и невозвѣтными забавами, а дѣятельностью, воздержаніемъ, умѣренностью, простотою жизни. Затѣмъ Антонскій болѣе подробно разсматриваетъ вредъ отъ неумѣренной и изысканной жизни, отъ излишества въ ѣдѣ и рекомендуетъ во всемъ умѣренность. Его любимымъ изреченіемъ было: все въ мѣру. Послѣ физическаго воспитанія Антонскій переходитъ къ умственному и нравственному. Развѣтїе душевныхъ способностей, продолжаетъ Антонскій, нужно начинать „на самой зарѣ юности“ и должно идти постепенно. Первымъ дѣломъ воспитателя—это изслѣдованіе способностей воспитанника. „Никто не родится въ свѣтъ, не получивъ изъ чегу-либо способностей“. Замѣченныя способности воспитанника должны обращать на себя особенное вниманіе воспитателя: ихъ необходимо развивать, поощрять. Критеріумомъ цѣлности нравственныхъ поступковъ Антонскій считаетъ разсудокъ, который должнъ быть всегдѣшнимъ руководителемъ нашимъ. „Душа имѣетъ три главныя способности: память, разсудокъ и воображеніе. Изощреніе памяти доставляетъ лучшую пищу уму; нужно умѣть изощрять ее“. Обремененіе памяти только притупляетъ ее, „безъ

мѣры" отягачаетъ ее; необходимо для запоминанія выбирать только существенное. Выборъ предоставляется, конечно, воспитателю. Такъ какъ первыя впечатлѣнія ребенка необыкновенно сильны, то за воспитанникомъ нужно слѣдить, чтобы онъ не читалъ плохихъ книгъ, не воспринималъ того, что ему, что называется, не по возрасту. На изученіе латинскъ Антонскій смотритъ съ чисто практической точки зрѣнія; особеннаго вниманія его заслуживаетъ родной языкъ. Упражнять свои мыслительныя способности, привыкнуть мыслить логически—очень цѣнное приобрѣтеніе, которымъ мы обязаны *разсудку*. Вообще умъ ребенка мы должны обогащать, по мнѣнію Антонскаго, такими свѣдѣніями и знаніями, которыми будутъ имѣть отношеніе къ будущему ихъ состоянію". Согласно этому Антонскій критикуетъ каждую науку въ отдѣльности. „Воспитатель откроетъ надъ ними завѣсу *Исторіи* и представитъ глазамъ молодыхъ людей величественное, поразительное зрѣлище. Съ удивленіемъ увидитъ тутъ юный житель земли, какъ міръ сей огромный, великолѣпный возсталъ изъ ничтожества; какъ явился первоосозданный человѣкъ, вѣнецъ и краса поднебеснаго творенія, какъ мощь невѣжества паки простерлась по лицу земли и погрузила родъ смертныхъ въ уничижительную дремоту, пока, наконецъ, снова заблистало солнце просвѣщенія и явилось въ подножьи величій на горизонтѣ человѣчества. Наука, доставляющая столь великія, многоразличныя выгоды, наука, не менѣе укрѣпляющая разсудокъ, какъ и обогащающая память, едвали не первое заслуживаетъ мѣсто при воспитаніи"... Послѣ исторіи Антонскій ставитъ науки—Физическія и Математическія. „Между физическими науками *исторія натуры* для дѣтей гораздо полезнѣе, нежели думаютъ". „Отличительные знаки, отдѣляющіе роды и виды и опредѣляющіе каждое неравнѣльное", приведеніе въ систему растений и уясненіе ихъ отличительныхъ свойствъ, слоговъ, занятіе природой, которая болѣе всего дѣйствуетъ на воображеніе, вырабатываютъ ясность понятій, по мнѣнію Антонскаго, доставляетъ юности пріятное, полезное и приличное занятіе. Математическія науки, „пріучая не довольствоваться простыми вѣроятностями и природоподобіями, заставляютъ во всемъ искать достаточныхъ и убѣдительныхъ причинъ и укрѣпляютъ такимъ образомъ разсудокъ и дѣлаютъ его основательнымъ". Что же касается изящныхъ искусствъ, то они необходимы для успокоенія разсудка. Пониманіе искусства, по мнѣнію Антонскаго, находится въ тѣсной связи съ способностью *воображенія*. „Цвѣтное изображеніе украшаетъ передъ ними (молодыми людьми) всю натуру; возвышенное изображеніе преодолеваетъ всѣ трудности, гремитъ побѣдами; печальное наполняетъ ядомъ всю жизнь, самые успѣхи дѣлаетъ скучными и отвратительными, самую надежду, послѣднее сокровище несчастныхъ,

превращаетъ оно въ черныя предчувствія; пылкое воображеніе воспламеняетъ сердце художника и восхлищаетъ зрителей“.

Неправильному развитію воображенія Антонскій приписываетъ суетвѣріе, фанатизмъ и безчисленные предрассудки. Плохо—воображеніе мертвое, никуда оно не годится, если „поглощаетъ нездоровую пищу“. Наставники и воспитатели не должны забывать, что у молодыхъ людей, кромѣ ума, есть и *сердце*. „Одною рукою дѣлая ученыя исчисленія, другою должны они отирать слезы несчастныхъ...“ „Истощая всѣ труды и старанія на украшеніе, обогащеніе ума разнообразными свѣдѣніями, снѣ холодные учителя ни мало не пекутся объ украшеніи сердца, объ укрѣпленіи его добрыми правилами и примѣрами! Въ воспитаніи сердца, заключающемся въ удаленіи его отъ пороковъ и притѣвленіи къ добродѣтели, примѣръ—лучшій и дѣйствительнѣйшій наставникъ, такъ какъ дѣти любопытны и пероимчивы, на все они обращаютъ вниманіе и всему подражаютъ. „При такомъ счастливомъ расположеніи, чего не могутъ сдѣлать родители, которыхъ дѣти любятъ и почитаютъ, на которыхъ смотрятъ, какъ на единственный образецъ, достойный ихъ подражанія, которыхъ всякое движеніе, всякій шагъ, всякое слово, и можно сказать, всякое мановеніе родитъ въ нихъ новыя понятія, новыя чувства, новыя впечатлѣнія! Счастливы, счастливы дѣти, коимъ Провидѣніе даровало благомыслящаго отца и добродѣтельную мать“. Основа нравственнаго воспитанія, по мнѣнію Антонскаго,—христіанство. Не дѣлать другому обиды, любить всѣхъ, даже своихъ враговъ,—вотъ основаніе, на которомъ должно утвердиться все нравственное ученіе, преподаваемое дѣтямъ! „Вотъ средоточіе, къ которому должны стремиться всѣ труды, всѣ усилія при воспитаніи! Чего не сдѣлаетъ благомыслищій наставникъ, чтобы напоятъ юное сердце воспитанника своею любовью къ человѣчеству, любовью къ самымъ врагамъ, чтобы внушить ему: не только не дѣлай другому, чего себѣ не желаешь, но спускайся слабостямъ ближняго“. Дѣти же, въ свою очередь, должны чувствовать благодарность къ родителямъ за труды, которые затрачиваются на воспитаніе ихъ родителями; „неблагодарность же противна самой природѣ“. Возникаетъ вопросъ, какъ привить дѣтямъ эти высокія правила нравственности? Примѣромъ, дѣломъ, но не словами, отвѣчаетъ Антонскій. „Тверди, сколько хочешь, воспитателю своему: помогай бѣднымъ, облегчай участь несчастныхъ, но если онъ увидитъ, что нищій, просившій у дверей твоихъ хлѣба, или горестная вдова, прибѣгавшая подъ отеческій покровъ твой, отойдутъ отъ тебя съ неосушенными слезами, то чему послужатъ слова твои? Самыя краспорѣчивыя, самыя убѣдительныя наставленія дѣтямъ останутся тщетны и неэффективны, если мы сами при нихъ не докажемъ того на дѣлѣ“.

Мудрый воспитатель и словомъ и дѣломъ будетъ приучать своего питомца къ благотворительности; онъ долженъ повести его въ хижину бѣдныхъ и сказать: „Смотри! Это такіе-же люди, какъ и мы. Но какое различіе! Мы здоровы, спокойны, живемъ въ изобиліи и удовольствіяхъ, а они томятся, страдаютъ и едва бѣдное рубище покрываетъ наготу ихъ. Чѣмъ заслужили мы наше счастье и за что слезы и нищета досталась въ удѣлъ сихъ злополучнымъ. Провидѣніе искушаетъ ихъ и доставляетъ тебѣ случай приобрести благословеніе небесъ. Прости руку помощи, излей отраду и утѣшеніе на сихъ несчастныхъ“. Молодой человѣкъ, „который думаетъ сдѣлаться въслѣдствіи волею ли, судьбою ли, супругомъ, отцемъ или просто гражданиномъ“, т. е. всякій человѣкъ, говоря короче, долженъ быть *правдивымъ, честнымъ, внимательнымъ, твердымъ въ предпріятіяхъ, безкорыстнымъ, неустранимымъ, долженъ привести въ исполненіе данное слово и хранить тайну*. При проведеніи на дѣлѣ выноскиваемыхъ нравственныхъ принциповъ, Антонскимъ рекомендуются, какъ вспомогательныя средства,—награды и наказаніе, но только не тѣлесное, которое, по его мнѣнію, ожесточаетъ и унижаетъ ребенка. Но какъ наградою, такъ и наказаніемъ нужно пользоваться весьма осторожно, сообразуясь съ индивидуальностью каждаго воспитанника. Воспитатель долженъ постоянно помнить, что „самые превосходные таланты, самыя обширныя и глубокія знанія пагубны, если не освѣщаютъ ихъ чистота нравовъ, невинность сердца.... Мудрости! Добродѣтели!.... На что они, если религія не озаритъ ихъ, религія, освѣщающая всѣ наши дѣла, желанія, мысли, преобразующая, обновляющая человѣка, возносящая его надъ всѣмъ браннымъ, ничтожнымъ и отвергающая предъ нимъ врата неба! Не фанатизмъ, не суевѣріе и мрачную лжеискренность должно внушать ему, но благоговѣніе, сыновнюю преданность и чистѣйшую ибру въ Знждителя міровъ. Дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ и днями торжества религіи. Невѣріе и злочаствіе всегда вели за собою злѣйшія бѣдствія и часто ниспровергали могущественныя царства“.

Книга Прокополіча—Антонскаго о „воспитаніи“ для своего времени была выдающимся явленіемъ: здѣсь говорится о воспитаніи, какъ о такомъ искусствѣ, которое требуетъ отъ воспитателя и обширныхъ познаній по логикѣ, психологіи и другимъ наукамъ, освѣщающимъ педагогическіе вопросы; здѣсь, впервые, можно сказать, указано на огромную важность воспитанія,—и все это написано яснымъ, живымъ языкомъ, мѣстами—патетически, что все, вмѣстѣ взятое, не могло не подѣйствовать на образованное общество того времени, настроеннаго романтически,—самымъ благотворнымъ образомъ.

Антопскій всѣ успіли прилагать, чтобы воспитать на подобныхъ началахъ своихъ воспитанниковъ. Такъ преподаватели давали возможность всякому дарованію свободно развиваться, даже помогали въ этомъ развитіи, берегли, какъ святыню, индивидуальность воспитанника, дозволяя по его выбору сосредоточиваться на какихъ было ему угодно предметахъ. Возможность для такого выбора была полная: кромѣ обыкновеннаго гимназическаго курса, преподавались еще нравственная философія, право естественное, уголовное и гражданское, законѣдѣніе, государственное хозяйство, военныя науки и проч. Согласно духу того времени преподаваніе носило энциклопедическій характеръ; спеціальность заіюмчалась равно только въ томъ литературномъ образованіи, разсадникомъ котораго было Собраніе. У этого Собранія была отличная бібліотека, гдѣ были не только произведенія русской словесности и классическія сочиненія иностранныхъ авторовъ, но выплывались и журналы (*Revue Encyclopédique*). Среди питомцевъ Пансіона былъ разлитъ духъ товарищества, и, не смотря на то, что всѣ ученики были природные дворяне, никакого духа касты, аристократіама не было и въ поминѣ. Вотъ что можно было прочесть въ рѣчахъ одного воспитанника Пансіона по этому поводу. „Юный Россъ! Здѣсь, въ храмѣ наукъ, потщись образоватъ душевныя и тѣлесныя свои способности; здѣсь потщись устроить себя на служеніе отечеству и докажи со временемъ, что благородство твое не въ титулахъ, ни въ знатности предковъ, но въ сердцѣ твоёмъ, въ дѣлахъ твоихъ, въ заслугахъ“. Воспитанникамъ постоянно говорили о томъ, что они вскорѣ будутъ гражданами, а потому должны приготовиться къ этому великому служенію на пользу родины и Царю путемъ совершенствованія, взаимнаго сотрудничества и вспомошествованія. И въ данномъ случаѣ, какъ и поздѣ, наставникомъ являлся Антопскій. Подите, взгляните въ ихъ общество (т. е. въ добрый кругъ молодыхъ товарищей по ученію). У нихъ все общее: всѣ охотно помогаютъ другъ другу и уиѣряются взаимнаго вспомошествованія: они уже граждане, члены общества и въ маленькомъ кругу своемъ выѣмляютъ начала тѣхъ важныхъ обязанностей, на которыхъ основывается продолженіе общества. Тутъ взаимная уступчивость и взаимныя пожертвованія“. „И заведеніе, говоритъ С. Шенревъ, въ лучшемъ кругу учениковъ оправдывало намѣренія и желанія наставника“. Но обратимся къ разсмотрѣнію причинъ двухъ главныхъ направленій въ преподаваніи того времени—это: мистико-религіозная окраска научнаго мышленія и энциклопедичность, тѣсно связанная съ ученіемъ Шеллинга, только что перенесеннаго тогда на русскую почву. Конецъ XVIII вѣка ознаменовался торжествомъ разума надъ чувствомъ; французская революція долъ

жна была осуществить въ дѣйствительности тѣ высокія требованія, которыя разумъ тогда предъявлялъ ко всей дѣйствительности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Желанный моментъ насталъ, и что же? Люди остались тѣми же людьми, т. е. грѣховными существами; напротивъ, въ этотъ рикгаръ страстей „звѣрь-человѣкъ“ далъ себя знать болѣе, чѣмъ когда-либо. Послѣдовало быстрое разочарованіе во всемъ томъ, во что вѣрили такъ горячо. Явилось, слѣдуя психологическому закону, обратное движеніе; объявили банкротство наукѣ, разуму и обратились съ тою-же страстностью въ другую сторону—къ чувству. На этой почвѣ быстро вырастаетъ мистицизмъ, романтизмъ. Наступаетъ господство религіи, какъ властительницы чувства. Ненависть къ прогрессу, дѣйствительности, склонность къ фантастическому и чудесному, преклоненіе передъ фантазіей, какъ передъ величайшимъ божескимъ даромъ, господство католицизма, мистицизма XIV вѣка—вотъ чѣмъ характеризуется начало XIX вѣка. Если дѣйствительность мрачна, куда человѣку обращать взоры, па что надѣяться, гдѣ тотъ „журавль въ небѣ“ можно усмотрѣть, съ которыми человѣчество никогда не можетъ разстаться? Отвѣтъ ясенъ: въ религіи, въ ней инстинктивно искали прибѣжища утомленная мрачною дѣйствительностью сердца людей; только религіозное чувство, какъ уподимъ впоследствии, могло произвести то-же дѣйствіе, что и лирическое; успокоительное, ободряющее, исцѣляющее душевные недуги. Въ Россіи въ началѣ XIX вѣка особенно процвѣтали масонскіе союзы, цѣль которыхъ была—правдивенно объединять людей, облагораживать ихъ на началахъ братства, любви, вѣрности и взаимопомощи. Многие изъ преподавателей Пансіона были членами масонскихъ союзовъ; таковымъ былъ и самъ Антонскій. Соотвѣтственно настроенію времени и направленію большинства преподавателей и посѣщеніе велось на такихъ началахъ. Но гонори о наставленіяхъ преподавателей и самого Антонскаго, пропикнутыхъ религіозно-мистическою окраскою, какъ мы видѣли изъ его книги о „Воспитаніи“, сама обстановка много способствовала выработкѣ такого настроенія умовъ. Каждый день ученики читали Евангеліе и обсуждали его; пѣлись псалмы и молитвы. Произносились рѣчи на тему о значеніи Евангелія и вообще вѣры Христовой въ жизни человѣка. „Трое или четверо изъ воспитанниковъ, говоритъ Сущковъ, собирались бѣжать отъ соблазновъ міра въ монастырь, помышляли даже о пустынножительствѣ“. Такимъ настроеніемъ заразился и Одоевскій, который навсегда остался христіанномъ, вѣрующимъ во Христа и его великое ученіе. Нѣкоторые изъ притчъ Одоевскій особенно любилъ вспоминать впоследствии.

„Въ разговорѣ о томъ, какъ опасно быть тщеславнымъ“, Одоевскій, не сомѣля еще арѣлый юноша въ то время, говоритъ такъ съ увлеченіемъ о религіи: „Религія научаетъ насъ смиренію. Человѣкъ вступаетъ на поприщѣ жизни подъ ея свинцовымъ покровомъ; въ младенчествѣ она вливаетъ въ него чувство благочестія, которое, возвышая душу его ко Всевышнему, приготовляетъ ее къ впечатлѣніямъ добродѣтели; въ возрастѣ соперничествъ—человѣкъ ей обязанъ счастливейшими минутами жизни своей; въ старости, готовый оставить разнообразныя зрѣлища міра, къ ней обращаетъ онъ погасяющіе изоры свои.... Религія—вѣрная путеводительница наша въ таинственныхъ, опасныхъ стезяхъ испытанія“.

Теперь мы вкратцѣ прослѣдимъ, какъ ученію Шеллинга, тѣсно связанное съ романтизмомъ, отразилось на преподаваніи наукъ въ Благородномъ Пансіонѣ, на ихъ направленіи, а затѣмъ, на основаніи источниковъ, увидимъ, какъ воспринялъ все это юноша—Одоевскій. Правда, юношей Одоевскій воспринимаетъ все, что давалъ ему Пансіонъ и многое, конечно, онъ могъ переработать своимъ еще не окрѣпшимъ мыслительнымъ аппаратомъ; но воспринятое,—необыкновенно гармонировалъ съ душевнымъ и умственнымъ складомъ его,—остается какъ бы безъ движенія сперва (въ безсознательной сферѣ), а потомъ, по хѣтрѣ самообразованія и развитія, этотъ накопленный матеріалъ перерабатывается, но все же онъ остается основой умственныхъ и нравственныхъ принциповъ его.—Къ концу 20-хъ годовъ относится первое знакомство профессоровъ Московскаго Университета съ новой нѣмецкой философіей. Даровитый Давыдовъ вмѣстѣ съ М. Павловымъ занесли въ Университетъ и Благородный Пансіонъ ученіе Шеллинга. Когда кафедра философій въ Университетѣ была закрыта, Пансіонъ сдѣлался, по истинѣ, разсадникомъ натуральной философій Шеллинга, стремленіе къ изученію которой пробудило и развило у воспитанниковъ Пансіона ихъ инспекторъ—Давыдовъ. Послѣдній давалъ ученикамъ книги, самъ лично разъяснялъ имъ новую систему философій и тѣмъ самымъ имѣлъ сильное вліяніе на молодое поколѣніе. И философія природы, проповѣдуемая въ Пансіонѣ Давыдовымъ и Павловымъ, какимъ-то причудливымъ образомъ такъ сплеталась съ религіозно мистическою окраскою научнаго направленія,—что все вмѣстѣ представляло гармоническій синтезъ, заманивый и увлекательный не для однихъ воспитанниковъ Пансіона, но и для многихъ профессоровъ. Проникнулись профессорами тогда увлекательными рѣчи, свидѣтельствующія о преклоненіи передъ модной тогда философіей. Приведемъ, какъ образецъ, отрывокъ одной изъ такихъ рѣчей. „Въ чемъ заключаются средства сіи, спасительныя для нашей жизни? Въ сліяніи наукъ, равнодѣйствующихъ на умъ и сердце, наукъ нравственныхъ и опыт-